

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ: АНТОЛОГИЯ, ТОМ III

Право на смерть и власть над
ЖИЗНЬЮ

Цель: ознакомиться с тезисами эссе Мишеля Фуко «Право на смерть и власть над жизнью».

Ключевые слова: право, жизнь, смерть, власть, био-власть.

В данной лекции разговор пойдет об эссе Мишеля Фуко «Право на смерть и власть над жизнью».

В этом знаменитом эссе Мишель Фуко ввел понятие «био-власти». В прошлом правители брали на себя право решать вопрос жизни или смерти в отношении своих подданных. Со временем это право сокращалось, но, считает Фуко, власть над жизнью просто изменила формат и стала более изощренной и повсеместной.

Право на смерть

Долгое время одной из характерных привилегий суверенной власти было право решать вопросы жизни и смерти. В формальном смысле, эта привилегия, несомненно, произошла от древней *patria potestas* (верховная власть), которая предоставила отцу римской семьи право «распоряжаться» жизнью своих детей и своих рабов; исходя из того, что как он дал им жизнь, так мог и отнять.

К тому времени, когда право на жизнь и на смерть было оформлено классическими теоретиками, оно уже практически существовало в смягченном варианте. Уже не принято было считать, что власть правителя над подданными может осуществляться в столь абсолютной и безусловной форме, за исключением тех случаев, когда под угрозой оказывалось существование государства; это так называемое право на возражение. Если бы государству угрожали внешние враги, которые попытались бы свергнуть правителя или оспорить его права, он мог бы законно вести войну и требовать от своих подданных участия в защите государства; без «прямого» предположения об их смерти, он все же «был уполномочен» «подвергать их жизнь опасности», использовать их жизнь. И в этом смысле он обладал «косвенной» властью над их жизнью и смертью.

Но если бы кто-то осмелился восстать против него и нарушить его законы, то он мог бы осуществлять прямую власть над жизнью преступника: в качестве наказания последний был бы предан смерти. Таким образом, право на жизни и смерти не было абсолютной привилегией: оно было обусловлено защитой правителя и его собственным выживанием.

Должны ли мы следовать за Гоббсом, рассматривая это право как передачу правителю естественного права, которым обладает каждый человек, правом защищать свою жизнь, даже если это означает смерть других? Или же его следует рассматривать как особое право, которое появилось при формировании этого нового юридического лица – правителя? В любом виде, как в его современной форме – относительной и ограниченной, так и в его древней абсолютной форме, право на жизнь и смерть является несимметричным.

Правитель осуществлял свое право на жизнь только путем реализации своего права на убийство или воздерживаясь от него: он доказывал свою власть над жизнью только через смерть, которую он мог потребовать. Право, которое было сформулировано как «право на жизнь и на смерть», на самом деле было правом дать жизнь или отнять жизнь. Его символом был меч.

Возможно, эта юридическая форма должна быть отнесена к историческому типу общества, в котором власть осуществлялась в основном как средство механизма отнимания, право на присвоение части богатства, налога на продукты, товаров и услуг, труда и крова, взимаемые с субъектов. Власть в данном случае выражалась по существу в праве захвата: вещей, времени, тел и, в конечном счете, самой жизни; она завершилась привилегией забрать жизнь, чтобы уничтожить ее.

С периода классической эпохи Запад претерпел глубокую трансформацию этих механизмов власти. «Отнятие жизни», как правило, является уже лишь одним элементом среди прочих, выполняющих функции побуждения, усиления, контроля, надзора, приумножения и организации сил. Теперь усилия власти направлены на то, чтобы обеспечить воспроизводство, увеличение производственных сил в лице населения и организовать эти человеческие ресурсы,

а не на то, чтобы препятствовать им, заставляя их подчиняться или уничтожая их. Происходит сдвиг в праве на смерть. Та смерть, которая была основана на праве правителя защищаться и требовать своей защиты, теперь проявляется просто как обратная сторона права социального тела обеспечивать, поддерживать или развивать свою жизнь.

Право на жизнь

Войны никогда не были столь кровавыми, как с начала XIX века, и при всех равных условиях никогда прежде режимы не осуществляли такое массовое уничтожение своего собственного населения. Но эта огромная власть смерти теперь предстает аналогом власти, ее влиянием на жизнь, управление жизнью, улучшению и приумножению жизни посредством того, что власть подвергает ее контролю и подчиняет широкому перечню законов.

Войны больше не ведутся во имя правителя, который должен быть защищен; они ведутся во имя существования всех; все население мобилизуется с целью массового уничтожения врага во имя жизненной необходимости: массовые уничтожения стали жизненно важными. Именно в качестве управляющих Жизнью и Выживанием правящие режимы смогли развязать столько войн, в результате чего погибло так много людей. Изменившаяся технология войн заставила правителей, – тех, кто их развязывает, и тех, кто пытается их предотвратить, – уделять все больше внимания проблеме выживания.

Угроза ядерной войны в настоящее время изменила характер войны: способность подвергать смерти все население – это оборотная сторона силы, гарантирующей дальнейшее существование человека. Принцип, лежащий в основе ведения войны, – возможность убивать, чтобы продолжать жить, – стал принципом, который определяет отношения между государствами. Но существование, о котором идет речь, больше не является юридическим существованием суверенитета; на карту поставлено биологическое существование населения.

М. Фуко приводит пример смертной казни. Вместе с войной она долгое время была другой формой права меча; она представляла собой ответ правителя тем, кто не подчинялся его воле, его закону или его личности. Тех, кто погиб на эшафоте, становилось все меньше и меньше, в отличие от тех, кто погиб в войнах.

Как только власть присвоила себе функцию управления жизнью, условия ее существования и логика ее осуществления (а отнюдь не пробуждение гуманизма) затрудняли применение смертной казни. Как власть могла осуществлять свои высшие прерогативы, предавая людей смерти, когда ее главная роль заключалась в обеспечении, поддержании и умножении жизни, чтобы привести эту жизнь в порядок и использовать ее? Для такой власти казнь была одновременно пределом, позором и противоречием. Таким образом, смертная казнь не может быть сохранена, за исключением тех случаев, когда речь идет не о чудовищности самого преступления, а о чудовищности преступника, его неисправимости и защите общества от него. На законном основании стали убивать тех, кто представляет собой опасность для других представителей своего биологического вида.

Можно сказать, что древнее право на сохранение жизни или на отнятие жизни было заменено силой, способствовавшей развитию жизни или запрещающей ее вплоть до смерти. То, что смерть так тщательно избегается, связано с тем, что процедуры власти отворачиваются от смерти. При переходе из этого мира в другой смерть была способом, которым земной правитель заменялся другим, более могущественным; зрелище, которое окружало и сопровождало смерть, было в ряду политической церемонии. Теперь власть устанавливает свое господство на жизнь; смерть же – это предел власти, момент, который ускользает от нее; смерть становится самым тайным аспектом существования.

Неудивительно, что самоубийство считается преступлением, поскольку это был для человека способ присвоить самому себе право на смерть, которое ранее трактовалось как право правителя. Именно в течение XIX века – это присвоение себе права на смерть вошло в сферу социологического анализа; это свидетельствовало об индивидуальном и частном праве на смерть, о решении самим индивидуумом вопроса: жить или умереть. Эта решимость умереть – странная, но такая настойчивая и постоянная в своих проявлениях, и поэтому сложно

объяснимая особыми обстоятельствами или индивидуальными несчастными случаями. Это было одним из первых вызывающих изумление явлений того общества, в котором только политическая власть присваивала себе задачу управлять жизнью, а не отбирать ее.

Начиная с XVII века, это право над жизнью развивалось в двух основных формах; однако эти формы не были противоположными; они представляли собой скорее два полюса развития, связанные между собой целым промежуточным кластером отношений. Один из этих полюсов сосредоточен на теле как машине: его дисциплинированность, увеличение его возможностей, выкачивание его сил, повышение его полезности и его покорности, его интеграция в системы эффективного и экономического контроля, все это обеспечивалось процедурами власти, которые составляют дисциплину тела: анатомо-политика человеческого тела.

Второй, сформированный несколько позже, ориентирован на видовое тело, тело, проникнутое механикой жизни и служащее основой биологических процессов: размножения, рождения и смертности, уровня здоровья, продолжительности жизни и долголетия, со всеми условиями, которые могут вызвать эти изменения. Надзор над ними осуществлялся с помощью целого ряда мер вмешательства и регулятивного контроля – био-политики населения. Дисциплина тела и регулирование населения составляли два полюса, вокруг которых была развернута организация власти над жизнью. Учреждение этой технологии характеризует власть, высшей функцией которой теперь является не убивать, но инвестировать в жизнь от начала до конца.

Прежнее право на смерть, которая символизировала власть, теперь было тщательно вытеснено управлением телами и расчетливым управлением жизнью. В классический период наблюдалось бурное развитие различных аспектов образования – университетов, средних школ, казарм, мастерских, а также появление в сфере политических практик и экономического наблюдения проблем рождаемости, долголетия, здравоохранения, миграции. В результате произошел взрыв многочисленных и разнообразных методов достижения подчинения тел и контроля над популяциями, ознаменовавший начало эры «био-власти».

Био-власть

В XVIII веке два направления ее развития, как представляется, по-прежнему были четко разделены. Что касается дисциплины, то эта тенденция нашла свое отражение в таких институтах, как армия и школы, и в размышлениях о тактике, ученичестве, образовании и характере обществ, начиная от строго военных анализов Сакса и заканчивая политическими проекциями Гибера или Сервана.

В числе способов контроля над населением можно отметить появление демографии, оценки взаимосвязи между ресурсами и жителями, построение таблиц анализа богатства и его распространения. Философия «идеологов», например, теория идей, знаков и индивидуального генезиса ощущений, теория социального сочетания интересов, идеология как теория обучения, теория общественного договора и т. д., без сомнения, представляют собой абстрактный дискурс, в котором делаются попытки согласовать эти две техники власти, чтобы выстроить общую теорию.

Эта био-власть была неотъемлемым элементом развития капитализма; последний был бы невозможен без контролируемого включения тел в механизм производства и адаптации населения к экономическим процессам. Но это было не все, что требовалось; он также нуждался в росте обоих этих факторов, их укреплении, а также их доступности и покорности; он должен был иметь методы власти, способные оптимизировать силы, склонности и жизнь в целом, не делая их более трудными для управления.

Если развитие институтов власти обеспечивает поддержание производственных отношений, то зачатки анатомо – и био-политики, созданные в XVIII веке в качестве техник власти, присутствующих на всех уровнях социального организма и используемых различными институтами, действовали в сфере экономических процессов и их развития.

Они также выступали в качестве факторов социальной сегрегации и иерархичности, оказывая свое влияние на соответствующие силы обоих этих явлений, обеспечивая отношения господства и результаты гегемонии. Связь и привязка «накопления» людей к накоп-

лению капитала; рост человеческих групп как условие расширения производительных сил и дифференцированное распределение прибыли стали возможными отчасти благодаря использованию био-власти во многих ее формах и способах применения. Инвестирование в тело, признание его ценности и управление его силами были в то время незаменимы.

Известно, что много раз поднимался вопрос о роли аскетической морали при начальном этапе становления капитализма; но то, что произошло в XVIII веке в некоторых западных странах вместе с развитием капитализма, было явлением другого порядка. Это вступление жизни в историю, включение жизни в сферу политических технологий.

Давление, оказываемое биологическим на историческое, оставалось очень сильным в течение тысяч лет; эпидемии и голод были двумя большими драматическими формами этих отношений, в которых всегда доминировала угроза смерти. Но экономическое и, в первую очередь, сельскохозяйственное развитие в XVIII веке, увеличение производительности и ресурсов, еще более быстрое, чем демографический рост, способствовали ослаблению этих угроз: за редким исключением, долгий период великих бедствий, таких как голод и чума, завершился в Европе к концу XVIII века.

В этих условиях власть, взяв на вооружение доступные знания, начинает учитывать жизненные процессы и пытается контролировать и влиять на их изменение: здесь сохранение границ между классами и ограниченный доступ к образованию для обеспечения рабочей силы, продолжительность жизни и развитие медицины, демографическая политика и миграция населения и т. д.

Впервые в истории биологическое существование нашло отражение в политическом существовании. Власть теперь имеет дело не только с юридическими субъектами, господство над которыми раньше определялось угрозой смерти, но с живыми существами, и право силы, которое она может осуществлять над ними, должно применяться в рамках самой жизни. Именно принятие на себя ответственности за жизнь, даже больше, чем угроза смерти, дает власти прямой доступ к жизни.

Био-политика

Если факторы воздействия, в рамках которых оказываются взаимосвязанными изменение жизни и развитие истории, называть «био-историей», то следует говорить и о «био-политике» для обозначения того, что включило жизнь и ее механизмы в область явных расчетов власти.

За пределами западного мира голод существует в гораздо больших масштабах, чем когда-либо; и биологические риски, с которыми сталкивается биологический вид, возможно, больше и серьезнее, чем до рождения микробиологии. Но то, что можно назвать «порогом современности» общества, было достигнуто, когда жизнь вида становится главной ставкой собственно политических стратегий. На протяжении тысячелетий человек оставался тем, кем он был для Аристотеля: живым животным с дополнительной способностью к политическому существованию; современный человек – животное, чья жизнь ставится под сомнение в политике.

Эта трансформация имела значительные последствия. Если вопрос о человеке был поднят вопрос, то причина этого лежит в новом режиме отношений между историей и жизнью: в двойственном положении жизни, которое поставило ее и вне истории (в его биологической среде), и внутри человеческой историчности, пронизанной техниками знания и власти. Это привело к распространению политических технологий, которые инвестирует в тело, здоровье, способы существования и проживания, условия жизни, все пространство существования.

Еще одним следствием такого развития био-власти стало возрастающее значение, придаваемое действием нормы за счет правовой системы закона. Закон не может не быть вооружен, и его оружием, по преимуществу, является смерть; тем, кто нарушает закон, он отвечает в крайнем случае этой абсолютной угрозой. Закон всегда опирается на меч.

Но власть, задача которой взять на себя ответственность за жизнь, нуждается в постоянных регулирующих и корректирующих механизмах. Вопрос уже не в том, чтобы нести смерть, но в том, чтобы определить жизнь посредством ее ценности и полезности. Такая власть должна

квалифицировать, измерять, оценивать, иерархизировать, а не проявлять себя в своем смертоносном великолепии; она не должна проводить демаркационную линию между врагами правителя и его послушными подданными; она осуществляет распределение относительно нормы.

М. Фуко не имеет в виду, что закон уходит на второй план или что институты правосудия исчезают. Просто закон все больше и больше действует как норма, а институт суда все чаще включается в континуум аппаратов (медицинских, административных и пр.), функции которых по большей части являются регулируемыми. Нормализующее общество – это исторический результат технологии власти, сосредоточенной на жизни.

Человечество вступило в фазу юридического регресса по сравнению с обществами до XVIII века; не следует обманываться Конституциями, принятыми во всем мире после французской революции, написанными и пересмотренными кодексами, всей непрерывной и громкой законодательной деятельностью, поскольку именно эти законодательные акты и сделали приемлемой власть, по сути, нормализующую.

Более того, силы, которые сопротивлялись этой власти, полагались на поддержку того, во что власть вкладывалась, то есть на жизнь и человека как живое существо. Начиная с XIX века, великая борьба, которая бросила вызов общей системе власти, не основывалась на вере в возвращение к прежним правам или на мечте о золотом веке. То, что отстаивалось и служило целью, – это жизнь, понимаемая как фундаментальные потребности, конкретная сущность человека, реализация его потенциала, полнота возможного.

Вопрос политических противоречий становится вопросом жизни больше, чем право. «Право» на жизнь, на тело, на здоровье, на счастье, на удовлетворение потребностей, «право» на то, чтобы быть тем, кто человек есть и кем может стать, – это «право» классическая судебная система была не в состоянии понять – и это право стало политическим ответом на все новые процедуры власти, которые не являются производными от традиционного суверенного права.

В следующей лекции мы будем говорить об эссе Луи Монтроза «Новый историзм», в котором автор высказывает некоторые свои предположения относительно «нового историзма».

Вопросы для закрепления темы:

1. Что Мишель Фуко называет «правом на жизнь» и «правом на смерть»?
2. Как в исторической перспективе менялась суть присваиваемого властью «права на жизнь»?

Литература:

1. Foucault Michel. Right of Death and Power over Life// Foucault Michel. History of Sexuality. – Random House and Editions Gallimard, 1978. – P. 133-159.